

ПИСАТЕЛЬ **Борис Акунин:**

«Я нашел сожженную рукопись Достоевского»

ИЗВЕСТИЯ: На презентации вы сказали, что поводом к написанию «Ф.М.» стала песня Гребенщикова про раненого Достоевского. Вы поклонник «Аквариума»?

Акунин: Давний. Эта бесшабашная песня очень точно передает мое собственное ощущение от работы над романом. Пиетет и благовение применительно к классике — ведь губительная. Произведение искусства живо до тех пор, пока вызывает сильные чувства, не обязательно позитивного свойства. Книги Достоевского меня и восхищают, и раздражают, и будоражат.

ИЗВЕСТИЯ: Чья еще музыка способна вдохновить вас на новый проект?

Акунин: Любое по-настоящему талантливое сочинение, неважно в каком жанре, драгоценно тем, что оно заражает тебя энергией, дает новые идеи — очень часто совсем не связанные с самим сочинением. Невозможно предугадать, откуда ты получишь этот импульс. Иногда это книга, иногда картина, или фильм, или спектакль, или просто песня, даже строчка из песни. Что-то там вспыхнет, замигает какой-то код, зазвучит какая-то мантра — и в тебе что-то откликается, включится собственный внутренний реактор. Когда я пишу книгу, то, чтобы попасть в то или иное настроение, завожу определенную музыку. Она, как камертон, помогает попасть в нужную тональность, нужное настроение. Например, если глава, над которой я работаю, должна быть наполнена ощущением грядущего праздника, я завожу серенаду графа Альмавивы из «Цирюльника». Если нужно попасть в регистр светлой грусти — шубертовскую «Фантазию фа-минор». Это могут быть «Битлз» или Боб Дилан. До сих пор благодарен группе «Ночные снайперы», которая однажды своей песней «Тридцать первая весна» помогла мне нащупать нервно-тревожный стиль. Когда в романе «Ф.М.» нужно было написать злобную и глумливую «рублевскую» главу, я настраивался при помощи «Билли'з бэнда».

ИЗВЕСТИЯ: Работая над «Ф.М.» вы пользовались какими-то документами о первоначальных редакциях романа Достоевского?

Акунин: Сохранились сведения и кое-какие материалы по двум первым редакциям романа. Кроме того известно, что в ноябре 1865 года, вернувшись из Висбадена, писатель сжег какую-то рукопись. Ну а ее взял и нашел. Даже включил в роман. Полагаю, теперь многие скажут: правильно Федор Михайлович ее спалил.

ИЗВЕСТИЯ: Откуда взялись фамилии Алены Ивановны и Дарьи Францевны? Биография Порфирия Петровича?

Акунин: Придумал. И фамилию Порфирия тоже. Решил, раз уж Достоевский его фами-

лией обделил, породню даровитого следователя с Фандориными. Мне не впервые. Когда-то я сделал то же самое с доктором Дорном из «Чайки».

ИЗВЕСТИЯ: Кстати, у вас Порфирий Петрович получился гораздо более склонным к рефлексии, чем у Достоевского.

Акунин: Он там совершенно замечательный — какой надо. Но вызывающий жгучее любопытство. Что за человек? Откуда взялся? Какие чертики у него в голове сидят? Мои любимые персонажи в романе Достоевского — Порфирий, Свидригайлов, Разумихин. Еще Лебезятников удаился. Раскольников же и семейство Мармеладовых мне никогда не нравились. Казались малоправдоподобными и скучноватыми. Ну разве что сам Мармеладов еще ничего. Только очень уж многословно про свои страдания излагает. Поневоле вспомнишь, как Толстой по поводу Федора Михайловича шутил (цитирую по памяти): «Писатель берет читателя за горло и душит, вопрошая: «Видишь, как тяжко я страдаю? Веришь моему страданию?» И бедный читатель кричит в ответ: «Верю, верю! Только отпусти горло, дай вздохнуть».

ИЗВЕСТИЯ: Если говорить о настоящем времени в романе, то в тексте многое более чем прозрачных намеков на всякие модные заведения, радиостанции, издательства, проекты. Не боитесь, что кто-то может обидеться?

Акунин: Знаете, каково самое точное определение понятия «джентльмен»? Это человек, который никогда не обидит того, кого не хочет обидеть. Кое-кого из перечисленного вами ряда я хочу обидеть, и пусть обижаются. Прочие же, надеюсь, сумеют отличить шутку от оскорбления. Если нет, значит, хреновый из меня джентльмен.

ИЗВЕСТИЯ: На что направлена издательская стратегия «Ф.М.»? Игра с хрестоматийным текстом, огромный тираж, лотерея с поиском перстня. Это просветительская деятельность под видом развлечения?

Акунин: Или наоборот — в зависимости от того, как вы относитесь к проекту «Б. Акунин». История с поиском бриллиантового перстня придумана не издательством, а мной. Просто издатели из «ОЛМА-пресс» — люди молодые и не чуждые авантюризма, поэтому и пошли у меня на поводу, потратили огромные деньги на антикварное кольцо, которое теперь бог знает кому достанется. Мне важно убедить как можно больше жителей страны, что литература — это интересно, увлекательно, это настоящее приключение. И что чтение обогащает.

ИЗВЕСТИЯ: Нет ли в этом некоей девальвации классики? Ну как, например, издать отдельно «Войну» и отдельно «Мир» Толстого?

Студенты МГИМО в стройотряде под Можайском. 1974 год.
Третий справа — 18-летний
Григорий Чхартишвили

Акунин: Не вижу связи. Я же не членю и не уродую текст, я просто выстраиваю вокруг него некую периферию. Кстати, здорово было бы провести среди школьников какую-нибудь всероссийскую викторину по «Войне и миру». Премии — льготы при поступлении на филфаки и стипендия на весь срок обучения в вузе. Ох, сколько старшеклассников кинулось бы не просто читать, а зубами грызть великий роман.

ИЗВЕСТИЯ: Недавно вы были в США, где собирали материал к новой книге. Можете о ней рассказать?

Акунин: Это повесть из сборника «Приключения Эрастра Фандорина в 19 веке», который я сейчас заканчиваю. Действие происходит в 1894 году, когда Фандорин, сотрудничающий с «Национальным детективным агентством» Пинкертон, расследует некое загадочное преступление на Диком Западе. Давно хотелось нарядить Масу в ковбойскую шляпу и сапоги на высоких каблуках.

ИЗВЕСТИЯ: А когда же выйдет долгожданный «Азазель» Верхувена?

Акунин: Не позднее 15 сентября 2012 года, когда истекает срок контракта. Надеюсь, что все-таки несколько раньше. Это, увы, всё, что я могу сегодня сказать наверняка.